

АРАБОВ Юрий Николаевич

Родился в 1954 г. в Москве. Образование — высшее. Окончил ВГИК, сценарный факультет. Член СК СССР. Подборки стихов опубликованы в журналах «Юность» (1987, № 4), «Новый мир» (1988, № 3), «Клуб художественной самодеятельности» (1987, № 8), в коллективном сборнике «Стихи 1987 года» (изд-во «Советский писатель», 1988). Член московского клуба «Поэзия».

ЮРИЙ АРАБОВ

Простая жизнь

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
1991

ББК 84Р7—5
А86

Арабов Ю. Н.
А86 Простая жизнь: Стихотворения. — М.: Моск. рабочий, 1991.—46 с.

Арабов Юрий Николаевич. Родился в 1954 году в Москве. Образование — высшее. Окончил ВГИК, сценарный факультет. Член СК СССР. Подборки стихов опубликованы в журналах «Юность», «Новый мир», в коллективных сборниках.

Член московского клуба «Поэзия».
Издание осуществлено за счет средств автора.

А 4702010202—156 Без объявл.
М172(03)—90

ББК 84Р7—5

ISBN 5—239—00979—1

© Арабов Юрий Николаевич.
Стихотворения, оформление. Издательство
«Московский рабочий», 1990

и посетила сии края
земляника, красневшая, как укус.

Назавтра я стал различать светила:
луну,

что сравнивал только посредством «как»,
и солнце, что в этот четверг светило
на каждый неразличимый знак.

И тогда я пошел, привыкая
к ходьбе, и видел одних ворон.
И ручей сторонился меня, обтекая
со всех четырех сторон.

И решил я эти края кривые
заселить зверьем, как при старой эре.
И лебедь сонно раздвинул крылья,
как свет
из приоткрытой двери.

И путая муху
с прищепкою для белья,
я в день шестой создавал себя
тем, что записывал эти даты,
отгородившись от них флажком,
и будто бы раненый воин, — дятел
летал с кровавой своей башкой.

Цвела крапива. У ног порхал
кузнечик на свой удалой вершок.
В седьмой же день
я просто отдыхал
и находил, что это — хорошо.

84.

ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ

Я хочу постигнуть простую жизнь
с щеками, похожими
на сдвинутые литавры.
Все пиры наскучили паче тризны
и нужно на ночь захлопнуть ставни.

Я раздевался, шел голым в лес
и звал по имени, чтоб убить.

Но тщетно... В дюнах варяжских гнили
баркас, что к берегу был прикручен,
да лодка в две деревянные силы
своих уключин.

85.

* * *

Никто не знает, что Гомер ослеп.

Р. Левчин

Коль Гомер превратился в клумбу,
значит, клумба была в Гомере.
Он в Афинах лежал на койке
иль по улице шел, по Горького.
В кабаках танцевали румбу,
и из капищ несло горелым.

Ахиллес догнивал в санчасти,
и, подумав, майор Мамнон
всю семью переправил в Дельфы, —
там поближе к воде, и сейфы
не пусты для иных несчастных,
храм, к тому же, — Союз — Аполлон.

Менелай наступал на Трою.
Жены плакали, а поэты,
не узнав над собою герб,
говорили, что это — Феб
показался в лучах на троне.
Все дрожали, хоть было лето.

Одиссей уходил в морфлот.
И Гомер осознал, что эпос
есть наличие мертвечины,
седины и в седле мужчины,
и уже недалек тот год,
когда в эпос уйдет весь этнос.

Все кончается, даже Библия.
Он ослепнул, когда у клуба
повстречал инвалида Гектора,
что работал теперь за лектора,
поняв, в общем, что дело гиблое.
И тогда появилась клумба.

Эту клумбу все носят сызмальства.
Его смерть не попала в сводку.
Дед Мороз приходил в субтропики
в виде Зевса, велись субботники
на Олимпе, и, сплюнув в изморозь,
дезертиры глотали водку.

Что слепому Тартар? Эринии
не несли его горб на блюде.
А воспетая им же мафия
не оставила эпитафии.
Лишь заметил какой-то римлянин:
не был, был, никогда не будет.

84.

АВТОСТОП

Мы рождены в года глухие,
но, невзирая на ландшафт,
торчат из нас края родные,
как чьи-то уши из-под шляп.

Кто там в малиновом берете
да с яблоневым черенком?
Я узнаю: здорово, Питер!
Куда ты подевал ревком?

Цела ли Балтика и Ладога,
и жив ли почтальон Кузьма,
что доставал звезду и складывал
в конверт
для письма?..

Здорово, Тула, с вещим правом
ковать блохе стальные цирлы.

Мертвец! Явись разумным паром
и поршню послужи в цилиндре!

Я обожаю механизмы
и клумбы в каменной короне,
и гипсовые слепки с жизни
цветов при интернатской зоне...

Я у шоссе стою в овчине,
подняв невидимый бокал,
хоть кто бы взял! Летят машины
с луной и солнцем по бокам.

Уральские Гефесты!
Невозможно
вас не узнать, хоть наведете лоск.
Как рычажки у телефона, — рожки
вас выдают... Привет тебе, Свердловск!

Привет, Черкассы! Как под глянцем
румянец ваш не остудился.
Но коль судить
по густоте румянца,
то персик
стыдливее украинца.

Ужель у вас зеленая трава?
Букашки — мельче и выше — башни?
Увы... Этот фокусник
из рукава
достал лишь рукав рубашки.

Поскольку нам горек родной насест,
мы всюду чужие,
словно блондину брюнет,
но знать нас — не очень тяжелый крест...
Россия, привет!

85.

простая крестьянка
с золотыми зубами,
да простой крестьянин
с золотою душой.

85.

ПРОГУЛКА

Я был в Воронеже, на реке
Воронеж, где в деревнях, что в Англии, —
ремень отцовский лежит на ребре,
как корешок Евангелия.

У кирпичей — цинга, а цыган
до черта, в сущности, каждый — стоик,
для них и лужа — такой же Ганг.
Воронеж — он там, где нам быть
не стоит.

Я был в Поволжье. Пока что Судный
день для них, как волдырь...
В окаменевшей гармошке сруба —
тяжелый уксус былой воды.

Благодаря горизонту, вровень
с тобою птицы летят. От нас
дороги сходятся, словно брови,
и высыхают, морщина грязь.

Из пряжи бабочка и из свечек
не вылетит. Площади ждут парада,
а истина — только в футляре семечек.
Поволжье — везде, где нам быть
не надо.

Я был в Украине. Не для анафемы
сии края и не нар, а парт,
где все коровы — для географии,
чьи шкуры лучше учебных карт.

С баранов стружки торчат, зрачков
почти не видно. Я еду стоя

не в Киев — город больших значков.
В нем нам не жить, и бывать
не стоит.

Я был на Урале. Любая речь,
одевшись в мрамор, звучит, как заповедь.
-И вместо курганов — любую печь
археологи могут вполне раскапывать.

Урал прилег к жестяной воде.
Он гул кует и железо удит.
Он в кроне дерева — в бороде.
Урал — это все, где тебя
не будет.

И если ты
для дома не мастак,
и коль хандра заела до упада, —
бери билет, и новые места
тебе расскажут, что в них быть
не надо.

83.

ПРОГУЛКА НАБОРОТ

Я не был никогда в Австралии,
где молоко дают бесплатно,
где, может быть, одни аграрии
да яблоки в родимых пятнах.

Испорченный калейдоскоп
заменит им луну в ненастье,
и наша лодка в перископ
глядит на ихние несчастья.

Я не был никогда в Лапландии,
где короли страдают астмой,
где с веток, пахнувшие ладаном,
лимоны снятые не гаснут.

Темно от песьих там голов,
когда зима, и у милиции

там на учете — каждый лорд
и на канате — каждый бицепс.

Я не был никогда во Франции
и даже в Швеции (уж где бы!),
а был — в чудовищной прострации,
когда я вспомнил, где я не был.

Я не видал Наполеона,
но чтоб не вышел он повторно,
я видел в колбе эмбриона,
закрученного, как валторна.

Я не бывал к тому же в Греции,
где моих предков съел шакал,
и не читал, увы, Гельвеция
и Цицерона не читал.

Но я бывал однажды в Туле,
где задержаться не планировал
и где в музее видел улей
да зайца с ликом Ворошилова.

Но описать ее смогу ли...
И прочь тоску гоню, как флюс:
ведь парижанин не был в Туле.
Пускай завидует француз!

84.

* * *

Зачем костяшки ты пустил на клавиш,
чулок тевтонский, немчура и нелюдь?
Парик напудрил, так уже и лебедь?
Ты, сделавший из тыквы апельсин,
зачем привел Пиндара и Цереру?
Ведь с нас довольно «мыслию по древу»...

Сарданапал, известный содомит,
имел приятность ощущать Эола...
Пусть мы Фетиду ценим, как могола,
но и сия, наверно, из харит...

Шекспинска стерлядь строится в полки,
и в ранге крестоносцев — пауки.

А ты на клавесин извел древесну
вместо того, чтоб тяпкой поколоть.
Посуйся брать с крапивою ломоть.
Что из того, что я торчу, не тресну?
Не запрудоню бытия, но с горя,
пожалуй, на мякине объегорю.

Мы монумент такой нерукотворный
могли б воздвигнуть, что, умри, Денис!
Поднялся б выше он главою, чем абрис
Ивана... Пусть не монумент, — коровник,
а то пойдет расталкивать локтями
тунгуса — финн, а финна — латинянин.

Амуру, хоть и не был он рязанский,
хотелось раз Псишею поимать...
Но нам с того какая благодать?
Псишея ли, Психея, — все пейзажка.
И на фонтан поставим не Тритона,
а сына его — быстрого Невтона.

Но кончен бал, в котором ты куражил
рязанских нимф с одышкой по-бычьи.
И ты, парик снимая, стал обычным
веретенем без выделанной пряжи.
И тут смолкают русские глаголы,
и только лик угодника Николы
из разночинцев.

82.

300

Как мало сегодня гуляющих по зоопарку,
где пасть бегемота хранит Триумфальную арку.

И вечные тени от клетки на шкуре тигровой,
а то бы гулял без полос, но зато и без крова.

А кто это трубкой захочет попробовать грязи?
То слон выступает в естественном противогазе.

Верблюды таскают свою захребетную ношу,
сомы — в аквалангах, и гуси идут на калошах.

Здесь Хлебников шел, а кругом ни травинки, ни леса...
Питона, держа автоген, ремонтирует слесарь.

Как дам выводили кругами гулять кавалеры,
а те горевали, что здесь все вольеры, вольеры...

Где звери светлы от какого-то скорбного счастья,
и круг под иглою ежа начинает вращаться,
пластинка хрипит, и навозом пропахли бороздки.
И белых медведей используют вместо известки.

МУСОРНАЯ БАЛЛАДА

Жиганшин, в небе узря соседа,
спасен вертолетом, как гортензией.
После краха единственного
велосипеда
спицы путались, словно в ракетке теннисной.

Завершив озимых упрямый сев,
Хрущев лишен был своей охраны,
и что дрожит он — узнали все
по медному звону в его карманах.

Мне — двенадцать лет. Я — румян, как Киров.
Меня не трогают ни креолки,
ни зажигалки во рту факиров,
ни цирки, подвешенные на елке.

Ни командармы-орлы из сакли...
Я был, как Будда, не зная о Будде...
Но трудовик наш, считая капли,
вручил метлу мне и вывел в люди.
И я среди уличной пасторали
стою и чувствую — заплевали!

Кто заплевал эту улицу?
Навряд ли фея, навряд ли умница...
Мету. Постреливаю сигареты.

Мой отчим тихо лежит в кустах,
и в печени некий Сизиф отпетый
ворочает камень. Пускай, пускай...

Этот мусорный путч
залепляют нам рот,
словно грязная наволочка.

Но пытаем мы путь,
как в зеркальном трюмо
залетевшая бабочка.

Не познавший сих пут,
не подаст ни копейки,
ни луковицы.

И я вычислю путь,
и я вычищу эти
улицы.

...Фидель уехал и хлопнул дверью.
Парил, как сокол, Ильич Второй.
И май, как просверленный
электродрелью,
сгонял весь мусор на Уренгой.

84.

ШКОЛА

1

Я вышел вон и укатил на велике
домой, чтоб побарахтаться на валике.
А то куда? На Пешков-стрит? Мура-траншея.
На Пешков-стрите правит Рубашея.

Я вышел вон, а до того Елфимова
я взял на понт, то есть на фу. Алхимия
тут такова: когда он, вымыв патлы,
смеяться начал над моим папашей,
я рек: «Я — не вербованная падла!»
и после этого ушел в парашу.
И он застыл, раскосый, как казах...
А что еще я мог ему сказать?..

2

Однажды Леонид Карякин,
впоследствии рецидивист,
был уличен в утином кряке
в то время, как один артист,
когда скончалось полугоды,
читал нам Блока сквозь невроз,
что в белом венчике из роз,
и далее, и в том же роде...

Карякин крякнул, но не ртом,
а тем, что было много ниже,
но был изобличен потом
и педсоветом был унижен.
Артист же думал в тот момент,
что он сорвал аплодисмент.

3

Ну что ты пялишься?

Лапшу на уши вешаешь?
Форточкой мучаешь комнату,
кулаком протираешь зенки?
Вырастешь, будешь полковником,
следователем
в Лефортове...

Я ж твой извечный подследственный,
жмурик на вешалке,
Ленка...

4

Василий, которого звали Петром,
один раз пробрался на ипподром,
и там на трибуне представлен был силой
Петру, которого звали Василий.

И этот Василий заметил Петру,
что если увидит еще раз пята
его в этом месте без денег и ксивы,
то Петр не вспомнит, что он есть
Василий.

Тошнит. Весь желтый, как герб на пряжке.
С небес стекает одна олифа.
Застрял, увы, и на рубашке
я спутал пуговицу с кнопкой лифта.

Надавишь. Слепые глаза тараща,
вверх увидишь какой-то свет.
И все проклинаешь своих товарищей:
ты их придумал, их нет, их нет...

9

Карякин взят с поличным на Сельхозе.
Елена родила уже двоих.
Елфимов заработал легкий сдвиг,
и Рубашея почивает в бозе.
Ступенин спился. Я же столько лет —
живой и, по случайности, поэт.

83.

ПРО БОЦМАНА

В Рождество, когда у любой звезды
нету сил, чтоб родиться из млечной щели,
его находили у медсестры
за наименьшем пещеры.

Придя, волхвы не снимали бот
и не делили коньячных порций,
хоть знали твердо — такой убьет.
Не убивай же их, боцман.

Коль ты в офсайде, продай им зонт
своей мамы, что красит космы.
Эмигрирует солнце за горизонт.
Не убивай его, боцман.

Надень фуражку и не горюй,
что сапоги без носков не очень...
Рождество — это время
по календарю,
когда ноги будущим не промочишь.

форменный натуральный мохер, который
сродни тайному, как поцелуй, «мамахен!».

— «Мамочка моя! Как зелен саван лета!
Мамочка моя! Как могуч и здоров муравейник —
этот отстоявшийся слой травяного настоя провинции.
говорит сынишка Федор, бегая на деревянных ногах. —
Но куда же идет, пыхтя, эта лохматая изжога?
И еще раз пыхтя, как Илья из-под Мурома?»

«Эта лохматая изжога идет за медом, —
говорит про Топтыгина Акулина Ивановна. —
Эта лохматая изжога идет за грибами, —
говорит Акулина Ивановна, разговаривая. —
Эта лохматая изжога не имеет потомства,
чтобы плюшевые последыши

таскали бы наши избушки».

Этот рыжий разбойник Топтыгин,
воровавший не раз и не два,
был в бинокль увиден, едва
он набрел на охотничий флигель.
И охотник спустил карабин,
как спускают собаку фальцетом.

— «Он опять не один! — с акцентом
сказала Акулина Ивановна одноглазому черту. —
Вот слышишь, рычит, будто все его тело
состоит из одних только щек...», а черт,
приручая прусаков ладонью, ответить
«Яволь, Акулина!» — возможным не счел.

Кормилец! Любимый кормилец, единственный!
Ну что же ты лег негашеною известью?
Не окисью кальция, а изведенный
излишек даров для «даров природы».
Топтыгин! На что оставляешь пейзаж?
Изба перевернута печкою вниз.

В ископаемом ранее, чем в умершем лесе,
где каждый изгиб перемерян пилою, как градусником,
где ходят грибы вперемешку с муравьиною сволочью,

где лист прилипает к штанам, как заплата,
лежит, догнивая, герой празднолетья иль проше, —
последний кормилец российской деревни.

80.

СЛУЧАЙ НА ФЕРМЕ

Стоял, как две елки на деревянных крестах,
и курсивом перо от пера разграничивал.
Изогнувшись, клювом искал костяк,
будто ставил на спину себе горчичники.

Озираясь, зерно к зерну подбирал,
но, увидев топор над своей глазницей,
петух, как зажатая кем-то спираль,
попробовал раскрутиться.

Ага! Разыгрался, чумацкий нехристь!
Даже Гете и тот подавился лимфой,
что, как лошадь, говаривал по-немецки,
а по-русски мог лишь в плохую рифму.

Юноша, спрятавший
грецкий орех в зобу,
что топор, как будто бы утюгом разгладил,
стушевался, в чужую полез избу...
А спираль разматывалась, как олады.

Был петух — пожиратель гнилой фасоли,
а теперь галактику рассмотрели...
Что культура? Она — на его антресолях,
мелеющих, как карусели.

А что на ферме, за узкоколейкой?
А там — будто с песней
прошел гарнизон...
Размотался. Вытянулся линейкой
и звонко лязгнул за горизонт.

Пустыня откликнулась, как известка
в упавшем железном ведре... Молчанье.
Лишь черное небо, что, судя по звездам,
составлено из одних примечаний.

81.

ШТАНГИСТ

Он поднял штангу ввысь, до потолка...
Но липким оказался потолок.
Какого ж черта он ее толкал,
если она обратно не того?!

Но потолок держал ее, как куш,
пока он проклинал себя, помост...
Небритое лицо,
как выключенный душ,
осунилось и превратилось в трость.

Ему сказали: «Может, хватит лгать?
Где штанга?» Он ответил, как врагу:
«А мне теперь она до потолка,
поскольку прилепилась к потолку».

Умолк и переставил желваки.
Добавил, нервы спрятав в кулаке:
«Коли у вас такие потолки,
пускай теперь висит на потолке!»

И, выйдя вон, грудастый, как графин,
он кукиш показал всей ихней шайке.
Потом в трусах побрел мимо витрин,
где гуси, как обритые ушанки.

Мороз казался дедом на углу,
и вырывался пар из-под земли.
В такой мороз
и олимпийцы ни гу-гу.
Особенно
вечером, после семи.

82.

ТЫ

Извини, что тебя называю на ты,
но я сам
точно так же на ты
называю себя перед внуком.
Ты, сошедший с ума пешеход,
выползай по утрам
брать бумажный напиток,—
шестнадцать копеек за штуку.
Что ты хочешь найти,
разгребая штанами асфальт?
Это то же, что хочется мне,—
треугольник пакета.
Самодельный бумажный петух
или суперфосфат,—
в слове «ты» заключен индивид,
говорящий «покеда».

Бонапарта возьми,
отомкнув деревянный ларец.
Вне героя живут
только сплетни с его похорон.
Ну а вдруг не герой,
а какой-нибудь хлопок-сырец?
Он — сырец, понимаешь теперь,
почему он хорош?
Он — сырец, вкупе с рифмой к себе,
он — самец
и Вольтер, потому что
смыслец наших целей.
Он не только смыслец,
он — умнец и сильнец,
и поэтому нам
наиболее ценен.

— Ты, ну ты, что ты мне про сырца?
Ну а я...
— Почему ты мне тычешь?
Я видел тебя не однажды.
Да, конечно, я начал с тебя,
как с простого нуля.

в мясной отдел выбивают чеки.
И гордо вымолвит Гея-мать:
«За этим Платоном не занимать!»
Но поскольку ни Лондона, ни Афин
никто не видел пока из смертных,
я сдуру выбрал пустой графин
вокзальной комнаты ну и медный
бюст, на котором свеж
глубокий оттиск:

«Такой-то Деж».

3

Но дело в Деже, и цвета беж
его лицо не пугает нынче
ни баб с ребенками, коих плешь
уже наметилась, ни наличных
дев, что, идя в буфет,
всегда накупят себе конфет.

В сем зале, где сонные ожидания
чередуются с мелкими безобразиями,
где форточки, выполненные жидами,
отделяют Европу сию

от Азии,

где из крошек составленный муравей
покорен своей захребетной ноше,
я сидел на лавочке, чуть правей
семафора, рукой отгоняя мошек.

4

Я сидел в глубокой тоске, транзитом,
потирая изжаренные бока,
и мелко мыслил себе петитом
о том, что некого упрекать.

Ну был бы здесь дельфинарий, скажем...
Наехали б урки со всей страны,
французы бы шли за своей поклажей,
забыв отутюжить себе штаны...

А так — все тихо. Вода в пруду,
как отлежавшаяся щека.

Роняет гусеница на лету
свои доморощенные шелка.

Билетов нет ни в Москву, ни дальше.
Есть Деж, посаженный, словно куст,
есть дождь, идущий за сутки дважды,
и есть безногий, как этот бюст.

Тут можно жить, подцепив молодку,
но все-таки хочется, чтоб меня
отсюда б забрали в подводную лодку,
которой гордится страна.

87.

РЕКВИЕМ

Мой кот отправился на небеса
в тот месяц, когда снег на хвое
вдруг превратился в прах. Не сам,
но с помощью
какой-то странной хвори.

Уже и бабочки, как банты, сблизилась
с травой безликой, и цыганил месяц.
Слетались голуби, как груды бицепсов,
а он болел, бедняга,
третий месяц.

Двумя глазищами, похожими на атлас
для пятиклассника, как выключенный, гас.
Все зябнул, задыхался, как при астме,
и стал Гомером он на правый глаз.

Потом — на оба.

Прорезались крылья
невидимые из его боков.
И вот однажды утром без усилия
Взлетел, прозрачный, ввысь, до облаков.

Сделав круг,
он попрощался с аптекой,
сказав: «Негодница! Почто скрываешь свои дары,

где сухая вода в таблетках разводится
одним литром

воды?..

Конечно, к Богу тропа — пустяшная,
но все-таки надо иметь скольжение.

Высоковольтные провода,

как счеты с костяшками,

провожают меня,

высчитывая напряжение.

Прощайте, черви, мазутные,

как канистры.

Дацзыбао, прощайте,

написанные на заборе,

и вы, пуля, нашедшая точный выстрел,

живите в виске себе на здоровье!

Прощайте, покойники! Скройте с глаз.

Лежите в гробах своих, косолапы,

у вас глаз,

уползающий как дикобраз,

с лица,—

он щетинится и не дается в лапы.

И ты, плохо выбритая клубника,

опята, как связка ключей в лесах...

И храм,

чьи возможности равновелики,

где Боже распят на своих весах...»

Он завершил сей круг, роня атомы,

и вверх пошел, немислим и усат,

где лишь луна,—

котава мамка перекатная,

и множество иных

прозрачнейших котят.

Кого ловить им в это полнолуние?

Какими млечными им сачковать стезями?

Поди, мусолят шерсть, как полоумные,

в ожиданьи прилета

своих хозяев.

ИЗ ЧУЖОГО ПИСЬМА

«...духовной жаждою влеком или томим,
и прочее, что ты запомнил сызмала:
придет пророк, и рядом — серафим,
загадочен, как схема телевизора.

Ты долго думал, что у них за план,
но, не поняв, отдался грезе вечной,
как по картофельным

они идут полям:
один — наземный, а другой — заплечный.

Вон кран японский горделив, как папья.
В кювете цепь,
запомнившийся нестари.

Жара такая, что из крана капля,
не долетев до ванной, высохнет.

Но отчего же, как с высот Казбека,
они сойдут,

тварь низшую беся?
Я думаю, пророк
не в форме человека
появится, а тли или гуся.

Чего ж вам боле? Это ли не светоч,—
огромный гусь, что к горнему влеком?
Он

немного летает, как мнут газету,
и идет, как графин,
переполненный молоком.

Он Рим спасет и откроет истину.
Его придушат, как подобает
пророку, за то, что всегда таинственна
прямая речь его, как в кабале.

И что нас может спасти гуртом?
И кто заставит мрачнеть до туч?
Лишь смерти профиль с открытым ртом,
слегка похожий
на гасный ключ.

Лещихи икры наметали впрок,
летят стрекозы в прозрачных видах.
И, может быть, эта капуста —
Бог, —
тяжелый, как вдох, и легкий, как выдох?..»

87.

ИВАН КРЕСТИТЕЛЬ

«Кто ты, Господи, есть?

Я готовил тебя наудачу,
я вскопал виноградник, откуда ж досада и злость?
Голый лес на пригорке похож на забитую дачу.
Бильярдным шаром не разбить
виноградную гроздь».

Он глядит на размокший большак,
повторяет без связи:
«Ты — понятно, а я? Или тоже погибну от ран?»
Рядом девки готовят в избе вышивные ферязи.
за убогой деревней
течет небольшой Иордан.

Под ногою трещат перебитые летом тарелки,
на разрытом погосте осины пусты.
Там кресты,
как железнодорожные стрелки,
переводят мужей на иные пути.

Вот он встал и зачепал к речушке,
юродивый странник.

Знал бы он,
что через полгода всего —
все погибнут: и тот, кто вскопал виноградник,
да и жнец урожая, пришедший на место его.

Два бухих мужика увязались за ним, удивились:
«По сезону ль купаться? А впрочем, пускай его скосит...»
Он по плечи вошел в Иордан, и на миг появилась
голова на шершавом подносе.

Молочный круг образуют карты.
Глаза их подведены.
Их масти — елочные гирлянды
светятся будто
из-под воды.

Придай же вращение колесу,
или, как встарь, расскажи про Воланда...
Холодно что-то теперь в лесу.
Холодно, братцы, холодно.

85.

ДЮНЫ

Дырявое, в авоськах пены, ежовое
как власяница, море
песков арену берет врасплох.
Но если хочешь лишь тела,
оставленного душою,
беги от моря, бери песок.

Дюны. Ломти сушеной дыни. Слом
побережья, подводный лом,
с которого исчезает глянec
волны, что скручивала узлом,
а потом развязала тебя, как галстук.

Лежу. Проваливаюсь в шито-крыто
песка, виском,— в промокашку смерти,
будто ты через сито,
положенное на сито,
переходишь вниз, не нащупав тверди.

Человек испаряется небом.
Кричи, пеняй
на состав водяного раствора плоти.
Ты сам, положивши под ухо локоть,
себе отмерил и склон, и пай.

Двигается сука.
Пара горячих ног,
поменявшись с парой ее другою,

толкает тело вперед, и порд
бессилен сделать ее нагою.

Холодно в дюнах. Волна приходит
за хлебом
в твоём мешке, а уходит,
оставив чей-то хребет и хвост.
Человек испаряется небом.
Человек превращается в гвоздь.

На причмок твоих губ
волна реагирует, как коток.
Осклабится, с храпом
засунет тебя в конверт,
и в дюнах ты ощущаешь лишь то,
что тебя в дюнах нет.

Только к морю ложатся,
в песке потея,
не вперед головой, а вперед ногами,
ибо в дюнах заметнее
крах всеобщего тела,
и того, что у нас, — и — над нами.

83.

ПОХВАЛА БОЛЕЗНИ

Хорошо болеть, когда разум
не совпадает с уставшим телом.
Предметы, теряя черты и связи,
стираются, будто писали мелом.

Тело
нехотя ищет удобный саван,
зевая, словно оно — в раю.
Культурист, — и тот сам себе
не равен,
словно лупу, шутя,
поднести к муравью.

За окном — минус двадцать. В конфорке
шумит, синяя, зажженный газ.

И если судить
по повязке до глаз,
то в морозы все чуточку
Аль-Капоне.

Ангина. Соседка, отпив кефир,
для дрели своей подбирает сверла.
Тело календулой, как факир,
шпагу вытаскивает из горла.

Темнеет, и нечего
ждать подмоги.
Пузырьки чуть светятся,
словно лампочки,
и когда ты спускаешь с кровати ноги,
то лишь у двери нашаришь тапочки.
С этой странной сладостью
могут быть в споре
только майские сумерки, нежные,
как фланель.
Ты доступен всем, но когда ты болен,
на изнанке солнца живешь — луне.

Оттого и невидим. И ближе ангелы,
узнающие птицу из т е х пространств,
как в осциллографе,— по миганию,
когда она к ним полетит на связь.

И душа белобрыса,
как облик денди,
улетает к пристанищу
Рюрика и Атиллы.
Хорошо болеть, когда платят деньги,
хорошо...
Но, естественно, не до могилы.

87.

СВИНАРНИК

Я допущен к кормушке,
несмотря на стихии.
Из нее пил
Державин и Пушкин
и хлебали другие.

Я допущен к кормушке,
несмотря на пожарище,
меж воронок петляя ничком.
Я приполз с полудохлым товарищем,
а уполз — с пяточком.

Я зажал в ладони
осколок зеркала,
чтобы видеть, кто за спиной.
И какой-то боров
с башкою зека,
обгоняя, поил вином.

Дружат боров и ворон.
Ворон диктует борову.
Боров, скрипя клыками,
описывает старину.

Я не люблю под вечер
даже трезвого борова,
но люблю ветчину.
Так ответь, ваша мыльная честь,
сыр, достойный полета!
Для того ли ты сделан, чтоб есть,
из луны и помета?

А салями, лоснящаяся, как щека,
когда ее вытащишь из чулка,
а на срезе, как след от копыта?
Вы, капуста, до бросового вилка,
солнце, вы, что выдавливаются из белка,
я вас жрал из корыта.

Когда боров говорит
хрю-хрю.

он выдускает воздух, как водолаз,
и это значит, — в его раю
ни сегодня, ни в будущем, — невпролаз.

А поцелуй у борова,
как у противогаза
в русско-германской войне.
Поросята боятся ножа и сглаза,
но любят похлопывание по спине.

Корыто — беспроволочный телеграф,
но телеграф деревянный.
Когда в правом крыле начинают хлебать,
то в левом строчат эпиграммы.
В нем можно плавать, как в плоскодонке.
Грызутся кормчие у руля.
В отсутствии верлибра
и винтовки,
я обращаюсь к вам, товарищи подонки,
как живой с живыми говоря.

...Амбар висит, как аэростат,
от ветра потрескивая, как окуроч.
Вечереет. Свинарник ложится спать.
Шевелятся дубленые шкуры.

88.

ДРУЗЬЯ НЕБЫТИЯ

Из моря выловлен товарищ
без документов, без белья...
Его не сгинешь, не отравишь, —
он лучший друг небытия.

Неуязвимый для лекарства,
всегда с холодной головой, —
ему на время и пространство
плевать, поскольку — неживой.

Он — жизнелюб, кидавший в пекло
все до последнего рубля,

не понимая, что из первых
он — первый друг небытия.

Друзья небытия! Устойчив
союз без пульса и ангин.
Клянусь вам в каменные очи:
я тоже мертвый гражданин.

И ты, прекраснейшая дева,
что, как в синильной кислоте,
мужчину растворила в чреве, —
возьми назавтра бюллетень.

Товарищ панк! Тебя, кто в клизме
зрит Елисейские поля,
я назову отлетом жизни.
Ты — тоже друг небытия.

Мы — декабристы, но левее.
Коль зубы ноют все больней,
не оскверняй себя шалфеем,
похолодей, похолодей.

Чтоб споры кончились, и войны
не развелись подобно вшам,
при встрече: «Будьте вы покойны!»
желаем женам и мужьям.

...Под насыпью, во рву несеяном
лежим и смотрим, как живые.
Потом встаем без Воскресения,
красивые и молодые.

85.

РЕПЛИКА В ДИСКУССИИ О СТАЛИНЕ

Мне Сталин надоел, как ямб картавый.
Добро бы в коммунизм брести оравой,
но только он на время отменен.
Поэтому и входишь, как в оправу,
В любой пейзаж с единственным рублем.

Мне Сталин надоел, хоть я рожден,
когда он упустил страну из вида.
Зато моя морока и обида
немыслима любому палачу.
Я ем солянку в ресторане МИДа,
но чувствую, что Сталиным перчу.

Мне он осточертел, как в гастрономе,
где облетела рыба чешуя,
осточертела рыба пристипома,
когда я был совсем еще дитя...
Я клал ее, похожую на кокон,
в пустой мешок, тоскующий о шиле,
но чувствовал, что, соблазнив Востоком,
мне под шумок всучили Джугашвили.

«Но разве я не мерюсь пятилеткой?»—
спросил поэт, откушавши харчо.
Он шаг измерил, думал, что линейкой,
но это был фанерный дядя Джо.
Кто может, не прикинувшись скамейкой,
перенести такое существо?

Стой, гражданин!

В жару и в непогоду
кого шнуруешь, подтянув штаны?
Ты думаешь, ботинок «Скорехода»,
но мне сдается, что отца страны.
И чтобы он не натянул мозоль,
купи же вату и аэрозоль.

Не верь латунным

тугим усам.

Бесполезно мыкаться

или биться.

Поскольку Сталин —

это ты сам.

И выход единственный — самоубийство.

87.

СМУТА

Я сижу над водой и смотрю на круги:
что там, рыбина или выдра,
иль очки, иль кольцо

с удалой руки...

Я не знаю, что выбрать.

Мне вещи навалом идут, как в сеть:
теплоходы, реакторы

и прочее барахло...

Но самое главное — меньше, чем клеть,
образованная волокном.

Потому уплывает. Надену шапку
иль kota по Булгакову,

лежащего запятой.

Я ищу пятак, что упал за подкладку,
для этого вспарывая все пальто.

Я не знаю, букашка я или вождь,
или кочет,

кому кукарекать в пять.

Поэтому я и живу, как в дождь
одинокая птица летит, скрипя.

Ну что ты вены грызешь, подпрыгивая?
Река густеет и примерзает.

Я не знаю, что именно

выбрать из Пригова,

я не знаю.

Река намыла прибрежный холм
и чуть отклеилась на вираже.

Вон слесарь — выбрал железный дом.

Захочет, сам превратится в жечь.

Я стою, дыхание затая,
словно в детстве потерянный на вокзале.

Это — шаг в философии бытия.

Я не знаю даже, что я не знаю.

Как будто бы ты проглотил стрихнин
и видишь, как лес твои руки лижет.

Я не желаю писать стихи,
я даже не знаю, кто это пишет.

Восстань, как Лазарь, друзей беся,
и щеки свои разотри пометом.
Ты — гром, реставрирующий себя
гудящим призраком самолета.

Река ушла в ледяной нарост,
в трубу дозорного и в колодцы.
Тебя поджег альбинос-мороз,
горяч, как иней, и холоден,
словно солнце.

86.

ЭПИТАФИЯ ТЕМНАЯ

Мышь в наморднике из наперстка
шнурует хвостом ботинок.
В чашке чая — одна известка,
и не видать чайнок.
Души спят, будто отданы,
слышно, как дышит страна.
Лишь не спят в доме отдыха
Матросская Тишина.
Тут романтики водятся,
сны доверяя калекам,
тем, кто головы рубит цветам,
и ни-ни человекам.
И завхоз, рассуждая,
где внуку достать ползунки,
на груди своей вместо медалей
повесит замки.
Что им грезится, сладкие звуки,
прорифмованные на конце
и с привязкою «мета»,
когда они в третьем лице?
А когда они в первом,
то лбами стучатся об дверь,
и белье, словно тесто,
подходит в ведре.

Нам не дано предугадать,
как слово порождает слово,
как мать меняется на «мать»
и как отец глядит сурово.

Глядит грядущему под стать,
но перестроиться не хочет.
Его клюет в затылок кочет,
а у отца — затылков пять...

А мы твердим на все лады,
лады расстраивая в дым:
легко ли
        быть молодым,
легко ли
        быть голубым?

Но не легко быть этим самым,
ногой нащупывая гать,
крестить Асадова де Садам...
Нам не дано предугадать
ни слова Тютчева, ни Фета,
ни краденого марафета,
ни Баратынского обнять...
Но ходит-бродит Достоевский
и говорит нам: не убий!
И коль на ближнего стамеской
ты замахнулся, он, как Вий,
всю душу вымотает взглядом.
То — вдруг прикинется Шамбалой,
то пионерским вдруг отрядом
стучит по кровле обветшалой.

«Встать!
        Страшный суд идет!» —
сказал судья и умер.
Ученый был Бойль-Мориотт.
И тот, к несчастью, убыл.

Еще попробовал Есенин
мизинец окунуть в офсет.
Я вызвал духа в воскресенье,
и он сказал:

«Исхода нет»

Мол, не легко предугадать,
чем ваше слово отзовется.
Быть может, серою прольется,
а нет,— так Пушкина читать.

87.

СОДЕРЖАНИЕ

Семь дней	3
Простая жизнь	4
Заклинание комара	6
«Коль Гомер превратился в клумбу...»	8
Автостоп	9
Паломник	11
Прогулка	12
Прогулка наоборот	13
«Зачем костяшки ты пустил на клавишн...»	14
300	15
Мусорная баллада	16
Школа	17
Про боцмана	20
Сказка	21
Случай на ферме	23
Штангист	24
Ты	25
Размышления на вокзале	26
Реквием	28
Из чужого письма	30
Иван Креститель	31
Холодно	32
Дюны	33

Похвала болезни	34
Свинарник	36
Друзья небытия	37
Реплика в дискуссии о Сталине	38
Смута	40
Эпитафия темная	41
«Нам не дано предугадать...»	43

Юрий Николаевич Арабов

ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ

Редактор *В. Леонов*
Художественные редакторы *А. Данилин, В. Горин*
Технический редактор *Г. Смирнова*
Корректор *Т. Сёмочкина*

ИБ № 4667

Сдано в набор 19.07.89. Подписано к печати 14.03.91. Печать офсетная. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Усл. печ. л. 2,52. Усл. кр.-отт. 2,84.
Уч.-изд. л. 2,16. Тираж 3000. Заказ 1636. Цена 3 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий». 101854,
ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

170000, г. Тверь, Студенческий пер., 28.
Областная типография.